

УДК 821.161.1-3(470.331)

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В РАССКАЗЕ М. Г. ПЕТРОВА «ГУСИ»

Е. А. Дивакова

Тверской государственный университет

кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

В статье анализируется рассказ известного тверского писателя М. Г. Петрова с точки зрения использования автором фольклорных мотивов. Показано, как фольклорные мотивы влияют на раскрытие проблематики авторского текста. Рассказ включается в широкий культурологический контекст, даются новые ключи для его интерпретации.

Ключевые слова: *М. Г. Петров, культурологический контекст, мотив двоемирия, фольклорный мотив, реминисценция, прямое цитирование, философская притча, народная сказка «Гуси-лебеди».*

Культурологический контекст является одним из ключевых аспектов литературоведческого анализа произведения художественной литературы. Важно оценить, какие культурные и литературные пласты заложены автором в произведение, и верно их интерпретировать. Только в этом случае можно говорить об адекватном анализе проблематики и поэтики авторского текста. Большинство произведений М. Г. Петрова по ряду признаков можно отнести к реалистическому типу творчества. Но при детальном рассмотрении становится очевидным наличие признаков символизма. К произведениям, заметно тяготеющим к символистской традиции, относятся рассказы «Смертные ключи», «Колка сахара на двоих», «Гуси», «Протест», повести «Люди с ветра», «Последний дозор» и др. Именно через символику М. Г. Петров выводит тексты на новый смысловый уровень, даёт возможность раскрытия нового культурологического контекста.

Рассказ «Гуси», впервые опубликованный в авторском сборнике «Сны золотые» (1985) и несколько раз переиздававшийся с незначительными авторскими правками в сборниках «На осеннем ветру» (1991), «Ярчук» (2016), неоднократно транслировавшийся по радио, является одним из программных произведений автора. Показателен он и в отношении культурологического контекста. Основной темой рассказа являются взаимоотношения мальчика Алёши с семьёй: его любовь к брату, нелюбовь к отцу. Проблематика строится на попытке осмыслить сложные взаимоотношения «человек – семья» и «человек – мир». Для решения Петров использует различные художественные приёмы, в их числе – включение фольклорных мотивов. Остановимся на них подробнее.

Рассказ «Гуси» строится на множественных реминисценциях из народной сказки «Гуси-лебеди». Данная сказка известна современному читателю в двух вариантах: в обработке А. Н. Толстого и А. Н. Афанасьева. Сюжет сказки в различных вариантах схож, за исключением некоторых моментов: родители уезжают, наказывают сестре присмотреть за младшим братом. Сестра забывает о родительском наказе, брата уносят гуси-лебеди. Сестра ищет брата, обращаясь за помощью к печке, реке и яблоне (в варианте А. Н. Афанасьева ей помогает ёжик), находит брата у бабы-яги. Она спасает брата, но баба-яга отправляет гусей-лебедей в погоню за детьми. Дети,

скрываясь поочерёдно у яблони, реки и печки, благополучно возвращаются домой, гуси возвращаются к бабе-яге.

Сходство рассказа М. Г. Петрова с данной сказкой проявляется уже на уровне сюжетики. Так, завязка основного конфликта народной сказки и рассказа «Гуси» строится на неповиновении детей родительской воле:

«– Э! Друзья! А где гуси?!

“Гуси! – пронзило Алёшку. – Ёлки-палки-щи-моталки, я ж про гусей забыл! Когда я их последний раз видел?” И сразу вспомнил – после школы, в обед.

Время стояло голодное, послевоенное. Коза коровой считалась, молоко, как говорится, шилом хлебали, а всякую живность берегли до убоя пуще себя. Тут ещё по деревне стали пропадать гуси, и отец, уходя на работу утром, велел сегодня пораньше загнать гусей в сарай. Не найдя их сейчас, отец рассердился» [4, с. 65].

Ключевым для обоих произведений является мотив двоимирия, проявляющийся как на уровне сюжета, так и на уровне отдельных деталей. Так, в народной сказке он представлен прежде всего через образ бабы-яги (представительницы мира мёртвых) и символ тёмного леса. В рассказе Петрова этот мотив также реализуется, например, через символ сна. Сон считается пограничным состоянием между жизнью и смертью. В рассказе «Гуси», как и в народной сказке, старший ребёнок спасает младшего от гибели: «Сначала он мечтает, как они с Петькой лягут на завалинке, прижмутся друг к другу, уснут и замёрзнут. Потом ему становится жалко губить невиновного Петьку, и он решает умереть один. Это же не страшно, успокаивает он себя, задрёмывая. Умрёшь и станешь кем-нибудь, потому что люди должны в кого-то умирать, иначе куда они тогда деваются? А когда Петька вырастет большим и переедет в город, он придёт к нему однажды и скажет: “Здорово, Пётр Иванович, это ведь я, Алёшка. Я ведь не умер, только ты никому не говори...” <...>

– Лёха! Лё-ё-ха-аа! – слышит Алёшка сквозь сон Петькин голос, но открыть глаза, встать, откликнуться у него нет сил, и только когда Петька начинает тормозить его за плечи, он приходит в себя. Он долго не понимает, где он и почему кругом снег, и нет печки, и рядом не бабушка, а Петька.

– Лёшенька, миленький, поднимайся! – кричит ему Петька».

С миром мёртвых героя связывает и образ бабушки, который важен для разработки одной из основных проблем произведения, отношений «человек – семья». Именно о бабушке вспоминает Алёша во сне: о том, какая она была хорошая, как кормила их и «сказки сказывала». С воспоминаниями о бабушке связано прямое цитирование сказки «Гуси-лебеди»: «Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика и понесли...» [Там же, с. 74], что ещё раз подтверждает связь рассказа с народной сказкой.

Помимо прямых отсылок к теме двоимирия, в рассказе «Гуси» присутствует и метафорическое противопоставление живой души неравнодушного и сопереживающего Алёши «омертвевшим» душам многих окружающих его людей, потерявших способность к состраданию и сопереживанию: «Он много знал такого, что не имело названий. Вот когда мальчишки сидят на брёвнах возле молокозавода и у безногого молоковоза дядьки Игната Артиллериста падает с телеги в грязь пустой бидон и тот просит, обращаясь ко всем, подать бидон, то Алёшке становится тоже без названия, а так, словно все могут не помогать пьяному калеке – и им за это ничего не будет, а он один не может. Или когда мальчишки над побирушкой смеются, ему тоже делается без названия» [3, с. 142].

Отметим и частичное совпадение названий рассказа и сказки. Именно образ гусей вынесен в заглавие, хотя этот образ, по сути, центральным не является ни в одном, ни в другом тексте.

Символ гусей в данном случае используется автором рассказа в традиционном фольклорном значении. «В волочѣбных песнях (Цикл славянских поздравительно-величальных песен, сопровождающих волочѣбный обряд в первые дни Пасхи. – Прим. автора), имевших также ритуальное значение и считавшихся способом магического подчинения человеку сил природы, довольно часто фигурируют гуси-лебеди. Так, в одной из песен, записанных Павлом Васильевичем Шейном в Псковской губернии, есть исключительно интересное противопоставление:

Не гуси летят, не лебеди,
Христос воскрес на весь свет!

Имеет смысл в этой связи вспомнить, что и колядовщики, и волочѣбники воспринимались в народной традиции как воплощение душ предков, которым подавалось ритуальное подаяние, и связь их с гусями-лебедями, судя по всему, была не случайной» [1]. На связь с фольклорной традицией волочѣбной песни указывают заключительные предложения рассказа: «Поужинав, Алёшка полез на печь спать. Укрылся перелатанным разноцветными лоскутами одеялом, дождался Петьку и, когда тот стал засыпать, благодарно обнял его, как в раннем детстве, как в ночь перед Пасхой, когда была жива бабушка...» [4, с. 75].

Прочтение символа гусей как образа духа предков согласуется с проблематикой рассказа. К мотивам взаимоотношения человека с его корнями относятся и нелюбовь Алёши к своему отцу, и любовь к брату, и воспоминания о бабушке, и его размышления о том, «куда люди умирают». Постоянные размышления мальчика и его предположение о перерождении также согласуются с мотивом воскрешения, продиктованным в том числе образом гусей. Важен в этом отношении и белый цвет гусей, противопоставляющийся тёмным, грязным, мрачным пейзажам. Тем ярче на фоне серости и мглы выделяются гуси и внезапно начавшийся снег. Снег, хотя и не согласуется со сказочными мотивами, является одним из самых сильных образов рассказа и одним из самых ярких символов, несущих свет, чистоту. Покрывая тёмную сырую землю, он несёт обновление и бессознательную веру в любовь и добро: «И вдруг пошёл снег. Алёшка даже сразу не понял, что случилось, когда перед ним дрогнуло и зашевелилось что-то большое, живое, тёплое и белое, стало расти, шириться, и вдруг чётко обозначились чёрные борозды. Посветлело, повеселело, потянуло далью и, как ни было Алёшке тревожно и одиноко, он обрадовался снегу. В ту же минуту он услышал гусиный вскрик. Одиноким, он пронзил внезапно побелевшее поле, и было в нём что-то такое согласное, родное, такое затаённо общее с этой гусиной белизной и неторопливым, вперевалочку, снегом, что Алёшка чуть не заплакал от неожиданной радости» [Там же, с. 71–72].

Гуси, появляющиеся в эпизоде со снегом, – дикие, не те, которых ищут мальчики. Они, громко крича, пронеслись над самой головой Алёши. Образ диких гусей – очередная реминисценция из сказки «Гуси-лебеди», где гуси часто изображаются в полёте, сопровождаемом криками.

По словам В. А. Редькина, «угол преломления фольклорной традиции» находится в прямой зависимости от принадлежности автора «к конкретно-реалистическому или романтическому стилистическому течению, к постмодернизму... Для одних самое важное в фольклоре – духовное начало, его нравственные богатства... Других привлекают яркие, броские фольклорные образы, ценные своей подлинностью и жизненной силой. Но во всех случаях элементы фольклора становятся стилиобразующим и жанрообразующим фактором в творчестве» [5, с. 52] современных писателей. Фольклорное начало является значимой чертой идиостиля М. Петрова, и преломляется оно в художественной ткани его произведений как средство раскрытия какого-то глу-

бинного нравственного смысла. Тем самым М. Петров примыкает к такой тенденции «русского общественного сознания последних десятилетий XX – начала XXI века», как «актуализация религиозно-философской мысли», «обращение многих писателей к традициям древнерусской словесности, культуры, эстетики» [2, с. 41].

В рассказе М. Петрова «Гуси» фольклорные мотивы выполняют функцию раскрытия проблематики рассказа на символическом уровне. Реалистическое психологическое описание обретает метафизическую глубину. Символика образа гусей прорастает в фольклорную традицию, а та в свою очередь добавляет рассказу значимый со смысловой точки зрения идейно-эстетический контекст. В итоге небольшая зарисовка из жизни двух деревенских мальчиков прочитывается как философская притча о преодолении смерти силой любви. И в этом совпадает с главной пасхальной вестью, что позволяет определить этот рассказ как пасхальный.

Список литературы

1. Жарникова С. В. Образы водоплавающих птиц в русской народной традиции [Электронный ресурс] // Комиссия научного туризма Русского Географического общества. URL: <https://www.knt.org.ru/Jarnikova%20Obrazu%20Vodoplavayushih%20Ptici%201.htm> (дата обращения: 21.02.2019).
2. Николаева С. Ю. Жанровое своеобразие рассказа Ф. А. Абрамова «Из колена Аввакумова» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 41–48.
3. Петров М. Г. Сны золотые: повести и рассказы. М.: Современник, 1985. 272 с.
4. Петров М. Г. Ярчук. Рассказы, повесть. Тверь: Волга, 2016. 228 с.
5. Редькин В. А. Стилевое своеобразие поэзии Гайды Лагздынь // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 49–55.

FOLKLORE MOTIVES IN MICHAEL PETROV'S STORY "GEESE"

E. A. Divakova

Tver State University

the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The article analyzes the story of the famous Tver writer Michael Petrov from the point of view of the author's use of folklore motives. It is shown how folklore motives influence the disclosure of the problems presented in the author's text. The story is included in a wide cultural context. The new keys for its interpretation are given.

Keywords: *Michael Petrov, cultural context, motif of dual world, folklore motif, reminiscence, direct citation, philosophical parable, folk tale "Geese-swans".*

Об авторе:

ДИВАКОВА Евгения Алексеевна – аспирант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: eadivakova@mail.ru.

About the author:

DIVAKOVA Yevgeniya Alekseevna – Postgraduate Student at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: eadivakova@mail.ru.